

Хауф Вильгельм

Избранные сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
В46

В46 **Вильгельм Х.**
Избранные сказки / Хауф Вильгельм – М.: Книга по Требованию, 2026. –
155 с.

ISBN 978-5-521-28943-1

ISBN 978-5-521-28943-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Не вы-ли торговка зеленью, Анна?—спросила старуха непріятнымъ, крикливымъ голосомъ, и голова у ней тряслась и моталась во всѣ стороны.

— Да, я,—отвѣтила жена башмачника,—что вамъ угодно?

— Посмотримъ, посмотримъ! Дай-ка сюда овощи, есть-ли у тебя то, что мнѣ нужно?—отвѣтила старуха, нагнувшись къ корзинкѣ съ зеленью и запустивъ въ нее свои темнокоричневые, безобразныя руки. Она начала разрывать своими длинными, кривыми пальцами красиво и тщательно разложенную зелень; хватала то одно, то другое, подносила къ своему длинному носу и обнюхивала. У жены башмачника сердце обливалось кровью при видѣ того, какъ обращается старуха съ ея чудесной зеленью. Однако, она не смѣла ничего ей сказать: товаръ осматривать имѣетъ право всякій покупатель. Да кромѣ того она испытывала какой-то непонятный страхъ передъ этой женщиной.

Пересмотрѣвъ всю корзинку, старуха пробормотала:—Гадкій товаръ, скверная зелень, совсѣмъ нѣтъ того, чего мнѣ нужно!.. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ было гораздо лучше! Гадкій товаръ, скверный товаръ!

Эти слова совершенно возмутили маленькаго Яшу.

— Слушай, ты, безсовѣстная старуха, — закричалъ онъ смѣло, — что-же это ты запускаешь свои корявые, грязные пальцы въ прекрасную зелень, мнешь ее, подносишь къ своему длинному носу... Никто послѣ этого не станетъ больше покупать у

насъ, а ты еще называешь нашъ товаръ гадкимъ! Да у насъ даже поваръ самого герцога всегда покупаетъ.

Старуха покосилась на смѣлаго мальчика, отвратительно разсмѣялась и сказала хриплымъ голосомъ:

— Мальчикъ, мальчикъ! Тебѣ, стало быть, понравился мой носъ, мой красивый, длинный носъ? Такъ и у тебя такой-же будетъ, во все лицо, до самого подбородка.

Проговоривъ это, она принялась перебирать другую корзинку съ капустой. Она брала въ руки чудные бѣлые кочаны капусты, сжимала ихъ такъ, что тѣ трещали, бросала какъ попало обратно въ корзинку и, наконецъ, опять проговорила: — Скверный товаръ, гадкая капуста!

— Не качай такъ сердито головой, — съ нѣкоторой боязнью замѣтилъ мальчикъ. — У тебя шея тоненькая, какъ капустная кочерыжка, еще пожалуй подломится, и голова упадетъ въ корзинку. Кто-же тогда станетъ покупать?

— Тебѣ не нравятся тонкія шеи? — проворчала усмѣхаясь старуха. — Такъ у тебя никакой не будетъ, голова будетъ прикрѣплена прямо къ плечамъ, чтобы не отскочила отъ маленькаго туловища.

— Не болтайте вы пустяковъ съ ребенкомъ, — сказала, наконецъ, жена башмачника, выведенная изъ терпѣнія безконечнымъ перерываньемъ и обнюхиваньемъ товара. — Если хотите что-нибудь купить, такъ покупайте скорѣе, а то вы отбиваете у меня другихъ покупателей.

— Хорошо, будь по твоему,—сказала старуха, бросивъ на нее свирѣпый взглядъ,—я куплю у тебя вотъ эти шесть кочней капусты; но только, видишь-ли, у меня палка въ рукахъ, и я не могу ихъ взять сама; позволь своему сынку отнести ко мнѣ на домъ товаръ, я заплачу ему за это.

Мальчикъ не хотѣлъ идти со старухой и расплакался, онъ боялся этой отвратительной женщины. Но мать не хотѣла взвалить такую тяжесть на дряхлую старуху и строго приказала ему идти. Со слезами на глазахъ онъ исполнилъ ея приказаніе: завязалъ капусту въ платокъ и пошелъ вслѣдъ за старухой.

Она шла не очень скоро. Черезъ три четверти часа они очутились въ совершенно отдаленной части города и остановились у небольшого ветхаго домика. Тутъ она вытащила изъ кармана старый, заржавленный крюкъ, ловко всунула его въ маленькую дырочку въ двери, и дверь вдругъ со скрипомъ распахнулась. Но каково-же было изумленіе Яши, когда онъ вошелъ! Внутри домъ былъ чудно разукрашенъ: потолокъ и стѣны были мраморные, мебель—изъ чернаго дерева, оправлена золотомъ и шлифованными камнями; полъ-же былъ стеклянный и такой гладкій, что мальчикъ скользилъ, идя по нему, и даже нѣсколько разъ упалъ. Старуха вытащила изъ кармана серебряную дудочку и свистнула въ нее; странный необыкновенный звукъ громко раздался по всему дому. Въ ту-же минуту по лѣстницѣ спустилось нѣсколько морскихъ свинокъ. Яша былъ больше всего

... Мальчикъ завязалъ кочаны капусты въ узелъ и пошелъ вслѣдъ за старухой...

пораженъ тѣмъ, что онѣ ходили на двухъ ногахъ, какъ люди; и одежда у нихъ была, какъ у людей: на головахъ самыя модныя шляпы, только на ножкахъ вмѣсто башмаковъ, была орѣховая скорлупа.

— Гдѣ мои туфли, негодные лѣнтяи?—закричала старуха и начала бить ихъ палкой, такъ что онѣ со стономъ подскакивали вверхъ.—До какихъ-же поръ мы тутъ стоимъ?

Свинки быстро запрыгали вверхъ по лѣстницѣ и сейчасъ-же вернулись съ парой скорлупокъ кокосоваго орѣха, подбитыхъ кожей, и ловко надѣли ихъ на ноги старухи.

Тутъ вся ея хромота и слабость исчезла. Она отбросила палку и съ необыкновенной быстротой покатила по стеклянному полу, таща съ собой за руку маленькаго Яшу. Наконецъ, они остановились въ комнатѣ, гдѣ по столамъ стояло много разнообразной посуды. Комната эта походила на кухню, хотя столъ краснаго дерева и диванъ, покрытый дорогими коврами, напоминали скорѣе парадныя комнаты.

— Сядь,—сказала старуха, толкнувъ Яшу въ уголъ дивана и приставивъ столъ такъ, что мальчикъ не могъ оттуда выйти,—ты вѣдь, очень усталъ: человѣческія головы не очень-то легки, да, не очень легки.

— Сударыня, вы что-то странное говорите,—воскликнулъ мальчикъ,—правда, я усталъ, но я несъ не головы, а кочаны капусты, которые вы купили у моей матери.

— Нѣтъ, ты ошибаешься,—засмѣялась старуха. Она открыла крышку корзинки и вытащила оттуда человѣческую голову. Мальчикъ былъ внѣ себя отъ ужаса. Онъ не могъ представить себѣ, какъ это все случилось, но мысли его перенеслись къ матери:— Если кто-нибудь узнаетъ объ этихъ человѣческихъ головахъ,—думалъ онъ,—навѣрное мою мать обвинятъ въ убійствѣ.

— Теперь нужно тебѣ чѣмъ-нибудь отплатить за твое вѣжливое обращеніе,—пробормотала старуха,—погоди минуточку, я приготовлю тебѣ супъ... долго, всю жизнь потомъ ты будешь вспоминать о немъ.

Сказавъ это, она снова свистнула. Тутъ вошло множество морскихъ свинокъ въ человѣческихъ одеждахъ; у нихъ подвязаны были кухонные передники, а за поясомъ были заткнуты чумички и большіе ножи. За ними вприпрыжку вбѣжала толпа бѣлокъ. Онѣ были въ широкихъ турецкихъ шароварахъ, ходили на двухъ ногахъ, и на головахъ носили зеленныя бархатныя шапочки. Повидимому, это были поварята, такъ какъ онѣ съ необыкновеннымъ проворствомъ вскакивали на стулья, доставали кастрюли и блюда, яйца и масло, зелень и муку и относили все это къ печкѣ. Старуха сновала взадъ и впередъ въ своихъ туфляхъ изъ кокосовой скорлупы, и мальчикъ видѣлъ, что она усердно трудилась надъ приготовленіемъ какого-то вкуснаго блюда. Вотъ затрещали сильнѣе дрова, зашипѣли и задымились сковороды, въ комнатѣ распространился пріятный за-

пахъ. А старуха все бѣгала по кухнѣ, бѣлки и морскія свинки за ней. Пробѣгая мимо печки, старуха всякій разъ заглядывала въ стоявшій на плитѣ горшокъ. Наконецъ, въ немъ что-то закипѣло, залокотало, повалилъ паръ, и пѣна полилась прямо на огонь. Тогда она сняла горшокъ съ плиты, вылила то, что въ немъ варилось въ серебряную чашку и поставила ее передъ маленькимъ Яшей.

— Вотъ, мальчикъ, вотъ, — приговаривала она, — покушай супцу, и у тебя будетъ все, что во мнѣ тебѣ такъ понравилось... Изъ тебя, однако, долженъ выйти искусный поваръ, но зелень... Нѣтъ, зелени этой тебѣ никогда не найти, ея вѣдь не было у твоей матери въ корзинкѣ!

Мальчикъ совершенно не понималъ, что она говоритъ, и поэтому усердно ѣлъ супъ; который показался ему въ высшей степени вкуснымъ. Мать готовила ему много очень вкусныхъ блюдъ, но такого хорошаго супа еще никогда онъ не ѣдалъ. Нѣжная зелень и коренья придали супу чудный аромат, онъ былъ и сладкій и кисловатый въ одно и то-же время, и очень крѣпкій. Когда мальчикъ доѣлъ послѣднюю каплю чудеснаго кушанья, морскія свинки закурили аравійскій ладонъ. Голубыми волнами разнесся по комнатѣ дымъ; волны дѣлались все гуще и гуще и опускались внизъ. Запахъ этого куренія подѣйствовалъ на мальчика одуряющимъ образомъ. Ему хотѣлось крикнуть, что ему пора вернуться къ своей матери. Но онъ никакъ не могъ собраться съ силами и понемногу сталъ погружаться въ забытье;

въ концѣ концовъ онъ крѣпко заснулъ на диванѣ въ комнатѣ старухи.

Странные сны ему приснились. Будто бы его старуха раздѣла и завернула въ бѣличью шкуру. И сталъ онъ жить съ остальными бѣлочками и морскими свинками, и самъ скакалъ и лазалъ, какъ бѣлочка. Всѣ звѣрки были съ нимъ очень милы и любезны. Въстѣ съ ними онъ прислуживалъ старухѣ. Сначала онъ долженъ былъ смазывать разными маслами кокосовыя скорлупки, которыя старуха носила вмѣсто туфель, и чистить ихъ такъ, чтобы онѣ блестѣли. Подобную работу часто приходилось ему исполнять еще въ родительскомъ домѣ, такъ что ему не трудно было показать свою ловкость.

Приблизительно черезъ годъ,—снилось ему дальше,—стали его употреблять на болѣе трудную работу. Съ нѣсколькими другими бѣлками онъ долженъ былъ ловить въ воздухѣ мельчайшія пылинки и, набравъ ихъ достаточное количество, просѣивать сквозь тончайшее сито.

Эту пыль старушка считала самымъ изысканнымъ кушаньемъ. Зубовъ у нея уже не было, жевать и грызть она не могла, поэтому и приказывала печь себѣ хлѣбы изъ тончайшей пыли.

Потомъ еще черезъ годъ его перевели въ число слугъ, которые добывали старушкѣ воду для питья. Не подумайте, что имъ нужно было для этого рыть какой-нибудь бассейнъ, или ставить на дворѣ бочку, когда шелъ дождь. Тутъ дѣло было много труднѣе.

Бѣлочки, а съ ними и Яша, должны были орѣховой скорлупой снимать съ розъ росинки, которыя и служили старухѣ питьемъ. А такъ какъ она очень много пила, то работа водоносовъ была очень трудная.

Еще черезъ годъ онъ былъ переведенъ на службу въ комнаты. Обязанностью его было мести полъ. Каждая пылинка на стеклянномъ полу была замѣтна, такъ что и эта работа мальчика была не легкая. Бѣлочки должны были сперва подмести полъ щетками, потомъ, подвязавъ къ ногамъ старые платки, кататься на нихъ по стеклу. Это требовало большого искусства. На четвертый годъ Яша былъ переведенъ, наконецъ, на кухню. Это была почетная должность, на нее можно было попасть только послѣ долгихъ испытаній. Яша началъ съ должности кухоннаго мальчика и дошелъ до перваго пирожника. Онъ достигъ такого необыкновеннаго искусства и совершенства во всемъ поварскомъ дѣлѣ, что часто самъ себя удивлялся. Самыя трудныя вещи, пирожныя съ сотнями эссенцій, супы изъ зелени, собранной со всего свѣта,—онъ все изучилъ, все уразумѣлъ быстро и основательно.

Такъ прослужилъ онъ у старухи приблизительно лѣтъ семь. Однажды она сняла свои кокосовыя туфли, взяла корзинку и палку въ руки и, собираясь уходить, приказала ему ощипать курицу, начинить ее зеленью и, къ ея возвращенію, зажарить и подрумянить. Онъ продѣлалъ все это по всѣмъ правиламъ искусства: оторвалъ курицѣ голову, об-

варилъ ее кипяткомъ, тщательно ощипалъ перья, поскоблилъ кожу, чтобы она была глаже и нѣжнѣе, и вычистилъ внутренности. Потомъ онъ занялся зеленью, которою нужно было начинить курицу. Но въ кладовой, гдѣ старуха держала зелень, онъ замѣтилъ шкапъ, дверцы котораго были полураскрыты. Раньше онъ никогда его не замѣчалъ. Съ любопытствомъ подошелъ онъ поближе, посмотрѣлъ, что тамъ находится, и увидѣлъ множество корзинокъ, отъ которыхъ распространялся сильный, пріятный запахъ. Онъ открылъ одну изъ этихъ корзинокъ и нашелъ тамъ необыкновеннаго вида и окраски траву: стебли и листья ея были синезеленые и оканчивались огненно-красными съ желтыми краями цвѣточками. Мальчикъ внимательно осмотрѣлъ ихъ и понюхалъ; они издавали тотъ острый запахъ, какимъ благоухалъ супъ, сваренный когда-то для него старухой. Но запахъ этотъ былъ такъ силенъ, что мальчикъ началъ чихать, чихалъ всѣ сильнѣе и сильнѣе... и, наконецъ, проснулся.

Онъ лежалъ на диванѣ въ комнатѣ старухи и съ удивленіемъ осматривался кругомъ. — Нѣтъ, какіе, однако, могутъ сниться сны, — подумалъ онъ. — Еще я, пожалуй, готовъ поклясться, что пробылъ нѣсколько лѣтъ бѣлкой, товарищемъ морскихъ свинокъ и сдѣлался искуснымъ поваромъ. О, какъ посмѣется мама, когда я расскажу ей обо всемъ этомъ. Однако, не забранила бы она меня, что я проспалъ въ чужомъ домѣ, вмѣсто того, чтобы помогать ей на базарѣ?

При этой мысли онъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать.